СЕРГЕЙ
СТЕБЛИНЕНКО
ТЕПЛАЯ
КУРТКА
ИЗ ШЕСТИ БУКВ...
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ "АНДРОМЕДА"

Сергей Стеблиненко

Теплая куртка из шести букв…

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Стеблиненко С. В.

Теплая куртка из шести букв… / С. В. Стеблиненко — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Две совершенно разные по стилю и жанру повести, не похожие, не только друг на друга, но и на все то, что писал автор до этого. Многие знают Сергея Стеблиненко по одесским рассказам и байкам, юмористическим телефильмам и передачам и вдруг…Антиутопия «Теплая куртка из шести букв…»Герои повести (прапорщик Иванов и его жена Маруся) ухитряются дважды умереть в течении одного дня, но каждый раз их души оказываются на распутье между раем и адом. Для рая они слишком грешны, но для ада излишне праведны. Маленькие люди оказываются не нужными никому – им нет места ни в прошлом, ни в будущем, ни на небе, ни под землей…Абсурдистская повесть «Фобии» Все, что написано в этой повести могло реально произойти в жизни. Только не в той, которая в эту минуту проходит за окном вашей квартиры, а в голове лишь одного человека, пребывающего много лет в палате психиатрической больницы.Его сознание состоит из сотен, если не тысяч, вполне осознанных и цельных лоскутков. Но только сшиты они в красочное неоднородное одеяло.Хочет ли больной выздороветь и стать нормальным? Увы, ответа на этот вопрос автор так и не нашел.

© Стеблиненко С. В.
© Мультимедийное издательство Стрельбицкого

Содержание

Теплая куртка из шести букв… 5
Вместо предисловия: 6
Пролог 7
Глава 1 8
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Сергей Стеблиненко
Теплая куртка из шести букв…

Теплая куртка из шести букв…

повесть о маленьком человеке

Автор выражает глубокую признательность Евгению Женину за литературное редактирование этой книги.

Вместо предисловия: Ох, уж эти Ивановы…

Для начала – странный факт. Завершив работу над повестью, которую вы сейчас начнете читать, ее автор Сергей Стеблиненко откровенно растерялся, вдруг задав самому себе вопрос о жанре ее. Воистину: пока писал – вопросов не было, написал – вопросы возникли к самому себе… Ну, прямо-таки тебе Леонардо да Винчи, который так и сумел разгадать секрета собственной же «Джоконды»…

Впрочем, учитывая, что для очень многих «юзеров сети» имя Леонардо скорее ассоциируется с ди Каприо, а не каким-либо иным… – не станем продолжать тему неизвестного широкой публике XXI века гения механики, анатомии, живописи и вообще Цивилизации как таковой.

Вернемся к Сергею Стеблиненко и его новой книжке. И к странностям, упомянутым «во первых строках» наших заметок. Так вот. Автор поименованный известен был ранее широкому читателю, в первую очередь, сценариями юмористических телесериалов, плюс сугубо реалистическими, по-одесски наполненными теплом, добром и светом и собранными под одну книжную обложку «Байками старого боцмана». Именно за такое вот, как в «Байках…», фирменное черноморское блюдо, щедро сдобренное иронией, просвещенный читатель и любил автора по фамилии Стеблиненко. А тут, в новой повести – надо ж тебе… едва ли не каноническое житие. Чтобы буквально в следующем абзаце – некий саркастический флер, так и напоминающий феноменального Войновича. И еще – какая-то уж напрочь детективная мистика (или, если угодно, мистический детектив…)

И все же, все же…

Повесть о прапорщике Иванове, его жене Марусе, их невероятных приключениях и, конечно же, не столько об их древне-лапотном кожухе-ватнике, сколько о менталитете, ныне именуемом «ватным»… – на мой взгляд, это абсолютная и бесспорная антиутопия. Это – если говорить о жанре.

Метаморфозы с нежданными (и незваными!) гостями, приходящими к главным героям книги – это абсолютно естественная, практически клиповая, для нашего сиюминутного понимания, реакция на пресловутую совковую патриархальность Ивановых.

Лаконичность и едва ли не кинематографический темп в монтаже сюжетных аттракционов – это свидетельство понимания автором старого, как мир, принципа, сформулированного в легендарной кинокомедии: «Куй железо, не отходя от кассы».

Однако же, поставим точку на моих попытках теоретизировать там, где вам, читатель, давно пора уже читать непосредственно стеблиненковскую повесть.

Словом, предвкушайте удовольствие, получайте его на тарелочке, то бишь на мониторе – и уже не предвкушайте это самое удовольствие, а вкушайте его по полной, как говорится, программе.

Евгений Женин,
художественный руководитель фестивалей «Дни Одессы в Нью-Йорке», почетный работник культуры Украины.

Пролог

Собственный корреспондент РАДИО-НОСТАЛЬГИЯ Виктор Хамовничий передает с места события.

Пожар в пятиэтажном доме на территории расформированной военной части № (засекречен) на окраине нашего города ликвидирован в 17:45.

Огонь в 5-этажном здании возник в 13:50. В тушении огня принимали участие 7 пожарных, 1 единица техники, а также ваш корреспондент.

Как отметил в беседе с нами руководитель пресс-службы пожарного расчета № 3 Александр Пепел, площадь пожара составила 28 квадратных метров квартиры № 13. Пожару присвоен второй уровень опасности. О погибших и пострадавших пока информации нет.

На месте пожара найдены документы проживавших в квартире лиц: военный билет прапорщика Иванова и паспорт гражданки по имени Маруся (прочие записи в паспорте обгорели и восстановлению не подлежат). На месте события обнаружен также странный манускрипт **«Житие человека, прямоходящего строевым шагом»**, который исполнен на неизвестном плотном носителе, фактурой своей напоминающем древние египетские папирусы. Манускрипт направлен для исследования в краеведческий музей.

В настоящее время к работе уже приступила оперативно-следственная группа, которой предстоит выяснить причину возгорания. По предварительным данным, пожар вызван взрывом бытового газа, от которого военный городок отключен еще в 1991 году, после расформирования воинской части. Газовых баллонов, горелок и прочего оборудования на месте происшествия обнаружено не было.

Глава 1

Добро, дарованное прапорщику Иванову судьбой, состояло из двухкомнатной «хрущевки» на территории военной части, автомобиля «Таврия» без двигателя и первого цветного телевизора марки «Электрон».

Как говорится, дарёному коню в зубы не смотрят – военная часть находилась в 20 км от города, «Таврия» стояла гараже в 20 км от военной части, а телевизор громоздился на тумбочке, оперативно экспроприированной вместе с ним из красного уголка сразу после расформирования полка.

С годами телевизор старел, дряхлел, но держался из последних сил, словно кто-то рассчитал, что он обязан погаснуть в один день со своими зрителями.

Надо сказать, Ивановы оставались единственными жильцами этого некогда жилого дома. Все остальные постояльцы разъехались после отключения газа, света, и теплоснабжения. Ну, а Ивановым ехать было некуда, да и незачем. Вот и появилась на кухне буржуйка с выведенной в форточку дымовой трубой, а на балкон подвели кабель от стоящей внизу подстанции, которая давала свет трем близлежащим поселкам. Комнаты же отапливались масляными радиаторами, благо электричество было бесплатным. Раз в квартал, когда на подстанцию приезжала проверка, времянку отключали, и немногочисленные уже аборигены перебирались на кухню. Но едва комиссия исчезала, кабель возвращали на место, и Маруся, само собой, вновь приступала к просмотру любимых сериалов. Выжить в таких условиях в одиночку было бы невозможно. Как, впрочем, и умереть.

«Таврию», уже без двигателя, обменяли на деревенский дом умершей матери. Каждый раз под Новый год Иванов обещал жене, что свозит ее в Крым. И оттого ежегодно с января по май Маруся рассказывала друзьям и знакомым о предстоящей поездке, а с сентября по декабрь жаловалась на неожиданно сломавшуюся машину, которую муж чинил весь отпуск. Словом, годы шли, но ни Крым к Ивановым, ни они к Крыму так и не приближались.

Детей у Ивановых не было. Сначала думали немного подождать, потом было как-то «не до того», а после обретения собственной конуры на пятом этаже оказалось и вовсе поздно. И когда однажды Маруся заикнулась было на эту тему, прапорщик остался тверд, как и подобает настоящему военному.

– Долбо…бов плодить нечего! – хотя и не подняв указующего перста, однако все же в высшей степени назидательно ответил он жене, напряженно глядя в зеркало, откуда ему радостно улыбалась холеная харя кадрового недоофицера. Маруся вздохнула, но возражать не стала. Более вопрос продолжения рода не поднимался. Короче, завещать им было некому, да и нечего.

Жили Ивановы скромно и относительно честно, если не считать ворованного электричества. Оба получали пенсию, а Иванов еще и подрабатывал электриком на той самой подстанции, которая поддерживала для них подобие признаков жизни. Целыми днями прапорщик носился по территории, собирал всякий хлам и по воскресеньям отвозил в город на барахолку. Так что с каждым годом хлама в округе оставалось все меньше, правда, и таскать его Иванову становилось все труднее.

Однако же, вернемся к нашему герою, тем паче за окном уже пробивался рассвет, и радиоточка начинала откашливаться после ночной спячки. Вслед за треском и свистом из нее послышался бодрый голос диктора:

– В эфире «Радио-ностальгия». Слушайте сигналы точного времени.

С каждым сигналом света в окне становилось все больше, а на шестой «пикалке» из-за горизонта выплыло солнце. Оно заглянуло в окно, точно пытаясь разбудить заспавшихся хозяев, но, не найдя никого, весело скользнуло вверх, чтобы сообщить остальному окрестному миру о начале нового дня.

– Вы слушали сигналы точного времени.

Из кухни выплыла дородная Маруся и принялась убираться в комнате.

– А теперь – наша реклама, – не унимался диктор, – Всех, кто что-либо знает об ограблении нотариальной конторы «Кац, Кац и Кац» 8 декабря 1991 года, просим позвонить в детективное бюро «Наше дело» за вознаграждение, контактный телефон 102.

– «За вознаграждение…» – скептически повторила Маруся, – Врут, как всегда! – убежденно заявила она вслух самой себе. Хотя и без того твердо знала, что в наше время верить никому нельзя, даже радиоточке. Потому-то лично сама она и верила только телевизору. В отличие от ее Иванова, доверявшего исключительно… собственному ватнику. На том и жили.

Тяжело вздохнув, Маруся поправила бретельку и приоткрыла дверь в спальную комнату:

– Иванов пора вставать!

За дверью что-то заворочалось, скрипнуло и зашелестело газетой. Из щели потянуло осадком от вчерашнего застолья.

– Теплая куртка из шести букв. Вторая – А… – похоже, супруг вставать не собирался. Сказывалось, видать, пристрастие к разгадыванию по утрам натощак – кроссвордов из старых газет.

– Ватник, Иванов! – ответила Маруся и подняла глаза на стену, где и вправду висела старая ватная куртка, которую Иванов надевал по любому поводу и в любое время года. Неказистая одежка вызывала у Маруси отвращение и брезгливость, но убрать ее в прихожую она не решалась.

– Подходит! – донеслось из спальни.

– Что-что, а ватник тебе точно подходит. Вставай, лежебока! Кто рано встает – тому Бог дает!

– Бог не гимназистка, он дает всем и понемногу, а мне нужно одному и сразу, – хохотнул из-за двери Иванов, – Вот даст миллион – тогда и встану!

– Размечтался… – вздохнула Маруся. В дурные деньги, падающие людям на голову, она не верила, но как их сшибить в такое тяжелое время, тоже не знала.

Она еще раз поправила непослушную бретельку и добавила философски:
– Нужно быть реалистом. Как я, например. Был бы у меня миллион, я бы в Крыму открыла дом творчества. Чтобы туда поэты приезжали, скульпторы всякие…

– Ой, Маруся… Ну и примитивная же ты! Поэты, скульпторы… Никчемные людишки! Нет в тебе, Маруся, настоящей мечты… Как у меня, скажем.

– Скажем-скажем… Ну, скажи, если такой умный.

– Помнишь, как мы раньше жили? – голос мужа стал тверже, увереннее, – Все было. У всех одинаково. Не жизнь, а праздник! На работу встаешь – праздник, с работы возвращаешься – праздник…

– Праздник…

Маруся погружалась в воспоминания…

– Жакет, бывало, наденешь, тот, праздничный, польский,… и на выставку в музей… Художников смотреть…

И тут, наконец-то, из-за двери выглянула небритая физиономия Иванова, на которой отчетливо читалось не только воинское звание «Прапорщик», но и выслуга лет в том же звании:
– Дура ты, Маруся!

– Чего дура, ты сам говорил, что тебе нравится…

– Кто нравится?

– Врубель, например…

– Вот, из-за таких, как ты, мы страну и потеряли…

– Каких – таких?

– С ВрубелЯми в голове… Советский Союз восстанавливать надо, Маруся. Чтобы у всех все было: и зарплата, и работа, и пенсия…

– И дом свободного творчества в Крыму…

– Кому что, а вшивому – баня! Жили безо всякой свободы и забот не знали… Чай, не Америка какая…

После упоминания об Америке физиономия в щелочке то ли икнула, то ли рыгнула и исчезла за дверью. Однако же, легкая дискуссия со своим благоверным по наиболее живо-

трепещущим проблемам политики и идеологии явно доставила Марусе удовольствие. Она игриво вильнула бедрами и обернулась к висящей на стене свадебной фотографии, точно вновь заглядывая в глаза собственной молодости.

– И примерь новый костюм, ты мне обещал! – прокричала она мужу. После чего вдруг… запела,

– Боже, какие мы были наивные,
Как же мы молоды были тогда…

Тяжелый вздох вырвался из ее щедрой груди: Она опустила голову и выдавила из себя:

– Тридцать лет, как один день…

Усилием воли и лицевых мышц возвратив свой взгляд на прежнее место, допела:

– Целую ночь соловей нам насвистывал…

Песня кончилась, глаза потускнели, грудь больше не вздымалась вверх от воспоминаний о своей былой упругости, все стало скучным, обыденным, будто Маруся съела что-то давно залежавшееся в холодильнике, но так и не списанное окончательно на помойку.

– До сих пор не могу понять, за что я полюбила этого неотесанного деревенского парня? Вот, есть в нем что-то первозданное… Определенно есть…

Житие человека, прямоходящего строевым шагом

(писано диаконом Кузьмою, помершим от горячки за два года до нашествия Бонапарта)

Рождение

Прапорщик Иван Иванов родился в семье неблагородной, но благонравной. Родители всю жизнь пахали и сеяли на полях родного колхоза, за что и были повешены на Доске почета в центре деревни Красные Петухи.

При рождении Ивана никакого чуда не свершилось. Но за неделю до оного события случилось странное знамение, когда ребенок еще был в утробе матери. Однажды в пасхальное воскресенье она работала со всеми на субботнике 9 апреля 1961 года – отгребала с другими женщинами коровий навоз на ферме, в помещении бывшей церкви. Когда председатель только засобирался поведать честному народу об успешном завершении денежной реформы, младенец начал кричать в утробе матери, да так громко, что председатель пал ниц и стал креститься в сторону бывшего алтаря, где в то время находился загон быка-производителя, за плодовитость и усердие награжденного бронзовой медалью ВДНХ СССР.

Чудеса начались на следующий день. Пришедшие на утреннюю дойку женщины обнаружили полный падеж поголовья. Все коровы будто спали на правом боку головой в сторону загона. Лишь одна хромая Зорька, как всегда, отбилась от стада и лежала на спине, задрав вверх все четыре ноги. Бык-производитель из загона исчез вместе с бронзовой медалью, хотя замок и задвижка оставались закрытыми. Крича «Свят, свят, свят!», доярки кинулись вон. До приезда прокурора ферму охранял участковый Василий Петрович, что прибежал на крик в исподнем и двух сапогах на правую ногу.

К обеду председателя вызвали в район и сняли с должности за потерю крупного, оттого и ценного, хотя все же рогатого, но скота. Из партии председателя исключили тем же вечером уже за крещение на быка и срыв политинформации об успешном завершении денежной реформы.

Скотину вывезли на экспертизу, а ферму опечатали в тот же день. Больше туда никто не входил, вплоть до восстановления храма на третьем году перестройки. Но только до райцентра следственная группа так и не доехала – сгинула бесследно за околицей возле пруда, где в 1917 году матросы барыню утопили.

С тех пор каждый год в пасхальную ночь в окнах храма можно было увидеть свет, а к заутрене слышать, как на колокольне бьет колокол, снятый богоборцами еще в первый год коллективизации.

Аккурат через три дня в космосе оказался Гагарин, а в ночь с субботы на воскресенье у Марии родился мальчик с двумя зубами, после чего деревенские бабы стали обходить дом Ивановых стороной, что-то тихонько нашептывая себе в край платка.

Ночью 31 октября ребенок неожиданно вылез из колыбели, встал на ноги, но тут же упал, разбудив родителей благим матом. В ту же ночь участковый Василий Петрович, пивший горькую с тех пор, как прибежал на помощь дояркам, заметил сгинувшего быка-производителя. Тот стоял на колокольне, бренчал медалью ВДНХ, и мычал нечто нечленораздельное. На следующий день прошел слух, что в ту же ночь из гроба выкинули товарища Сталина и закопали в палисаднике рядом с Мавзолеем.

Больше детей у Ивановых никогда не было. И слава Богу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.